

Литрес ≡ Классика

Артур Конан Дойл

РИТУАЛ
МАСГРЕЙВОВ

Артур Конан Дойл
Ритуал Масгрейвов

«ЛитРес»

1893

Дойл А.

Ритуал Масгрейвов / А. Дойл — «ЛитРес», 1893

Одно из ранних дел Шерлока Холмса, о котором он рассказывает Ватсону. К нему обращается университетский приятель Реджинальд Масгрейв: его дворецкий уличен в тайном изучении старинного семейного документа под названием «Ритуал Масгрейвов», а затем бесследно исчезает вместе с горничной. Холмс берётся расшифровать текст ритуала, чтобы понять, какую загадку скрывает вековая родовая церемония.

© Дойл А., 1893

© ЛитРес, 1893

Артур Конан Дойл
Ритуал Масгрейвов

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

В характере моего друга Шерлока Холмса меня всегда поражала одна аномалия: самый аккуратный и методический человек во всем, что касалось умственных занятий, аккуратный и даже, до известной степени, изысканный в одежде, он был одним из тех безалаберных людей, которые способны свести с ума того, кто живет в одной квартире с ними. Я сам не могу считать себя безупречным в этом отношении, так как жизнь в Афганистане развила мою природную склонность к бродячей жизни сильнее, чем приличествует медику. Но все-таки моей неаккуратности есть границы, и когда я вижу, что человек держит сигары в корзине для углей, табак – в носке персидской туфли, а письма, на которые не дано еще ответа, прикалывает ножом в самую середину деревянной обшивки камина, то начинаю считать себя добродетельным человеком. Я, например, всегда думал, что стрельба из пистолета – занятие, которому следует предаваться на открытом воздухе, а Холмс, иногда, когда на него находит странное расположение духа, сидит себе, бывало, в своем кресле и выпускает дробинки в стенку, что, конечно, не служило ни к украшению комнаты, ни к очищению ее атмосферы. Наши комнаты всегда бывали полны разными химическими снарядами и вещественными доказательствами, которые часто попадали в совсем неподходящие места и оказывались то в масленке, то там, где их еще менее можно было ожидать. Но самый мой тяжелый крест составляли бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно имевшие отношение к делам, в которых он принимал участие, а между тем разобрать их у него хватало энергии только раз в год, а иногда и в два. Как я уже упоминал в моих заметках, набросанных без всякой связи, за вспышками страшной энергии, во время которых он занимался делами, давшими ему известность, наступала реакция, когда он лежал целыми днями на софе, погруженный в чтение и игру на скрипке, и поднимаясь только для того, чтобы перейти к столу. Таким образом, бумаги накопились месяц за месяцем, и все углы комнаты были набиты связками рукописей, которых нельзя было ни сжечь, ни убрать без их владельца.

В один зимний вечер, когда мы сидели у камина и он только что кончил вписывать краткие заметки в свою записную книгу, я решился предложить ему употребить следующие два часа на приведение нашей комнаты в более жилой вид. Холмс не мог отрицать справедливости моей просьбы, а потому отправился с плачевным лицом в свою спальню и вскоре вышел оттуда, таща за собой большой жестяной ящик. Он поставил его посреди комнаты и, тяжело опустившись на стул перед ним, открыл крышку. Я увидел, что ящик наполнен до трети связками бумаг, перевязанных красной тесьмой в отдельные пакеты.

– Много тут дел, Ватсон, – проговорил он, смотря на меня лукавым взглядом. – Я думаю, если бы вы знали, что лежит у меня в этом ящике, вы попросили бы меня вытащить отсюда некоторые бумаги, вместо того, чтоб укладывать новые.

– Это, вероятно, заметки о ваших ранних работах, – спросил я. – Мне часто хотелось познакомиться с ними.

– Да, мой мальчик, все это дела, совершенные до появления возвеличившего меня биографа.

Нежным, ласковым движением он вынимал одну связку за другую.

– Не все здесь успехи, Ватсон, – сказал он, – но есть и хорошенькие задачки. Вот воспоминания о Тарльтонском убийстве, о деле виноторговца Вамбери, о приключении старухи русской, о странном деле алюминиевого костыля, полный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А вот – ага! – это, действительно, нечто выдающееся.

Он опустил руку на самое дно ящика и вытащил маленький деревянный ящичек с выдвигающейся крышкой, вроде тех, в которых держат детские игрушки. Оттуда он вынул клочок смятой бумаги, старинный медный ключ, деревянный колышек с привязанным к нему клубком веревок и три ржавых металлических кружка.

– Ну-с, мой милый, какого вы мнения насчет этого? – спросил он, улыбаясь выражению моего лица.

- Любопытная коллекция.
- Очень любопытная, а связанная с ними история и того любопытнее.
- Так у этих реликвий есть своя история?
- Они сами история.
- Что вы хотите сказать этим?

Шерлок Холмс вынул все вещи одна за другой и разложил их на столе. Потом он сел на стул и окинул их довольным взглядом.

– Вот все, что осталось у меня, как воспоминание о «ритуале Масгрейвов», – сказал он. Я не раз слышал, как он упоминал об этом деле, но не знал его подробностей.

– Как бы я был рад, если бы вы рассказали мне все подробно, – сказал я.

– И оставил бы весь этот хлам неубранным? – с злорадством проговорил Холмс. – А где же ваша хваленая аккуратность, Ватсон? Впрочем, я буду очень рад, если вы внесете этот случай в ваши записки; в нем есть некоторые пункты, делающие его единственным в уголовной хронике не только нашей, но, я думаю, и всякой другой страны. Коллекция достигнутых мною пустячных успехов не была бы полна без отчета об этом странном деле.

Вы, может быть, помните, как дело «Глории Скотт» и мой разговор с несчастным человеком, судьбу которого я рассказал вам, впервые обратили мое внимание на профессию, ставшую делом моей жизни. Вы видите меня теперь, когда мое имя приобрело широкую известность и когда общество и официальная власть признают меня высшей инстанцией в сомнительных случаях. Даже тогда, когда вы только что познакомились со мной и описали одно из моих дел под названием «Этюд алой краской», у меня уже была большая, хотя не особенно прибыльная, практика. Поэтому вы и представить себе не можете, как было мне трудно пробиться в жизни.

Когда я приехал в Лондон, я поселился в улице Монтэгу, как раз у Британского музея. Тут я жил несколько времени, наполняя свои многочисленные часы досуга изучением тех отраслей науки, которые могли понадобиться мне. По временам наворачивались дела, главным образом, по рекомендации товарищей-студентов, так как в последние годы моего пребывания в университете там много говорили обо мне и о моем методе. Третье из этих дел было дело о «ритуале Масгрейвов», которому я обязан первым шагом к моему теперешнему положению, благодаря возбужденному им интересу и важным последствиям.

Реджинальд Масгрейв воспитывался в одном колледже со мной, и я был несколько знаком с ним. Товарищи не особенно любили его, считая гордецом, хотя мне лично всегда казалось, что гордость его была напускная и за ней скрывалась робость и неуверенность в своих силах. Наружность его была чисто аристократическая: тонкий, прямой нос, большие глаза, небрежные и, вместе с тем, изящные манеры. И действительно, он был отпрыском одной из древнейших фамилий королевства, хотя и по младшей ветви, отделившейся от северных Масгрейвов в шестнадцатом столетии и поселившейся в восточном Суссексе, где замок Хёрлстон является, быть может, древнейшим из всех обитаемых жилищ графства. На молодом человеке как будто лежал отпечаток его родины, и всякий раз, что я глядел на его бледное, умное лицо, на постав его головы, перед моими глазами восставали потемневшие своды, решетчатые окна и все особенности феодального жилища. Иногда нам приходилось разговаривать друг с другом, и я помню, что он всегда выказывал живейший интерес к моему способу исследований и выводов.

Четыре года я не видел его, как вдруг в одно прекрасное утро он вошел в мою комнату на улице Монтэгу. Он мало изменился, одет был по моде – он всегда был франтом – и сохранил спокойные, изящные манеры, которыми отличался прежде.

– Как поживаете, Масгрейв? – спросил я, обменявшись с ним дружеским рукопожатием.

– Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца? – сказал он. – Он умер около двух лет тому назад. С тех пор мне, само собой разумеется, пришлось взять на себя управление Хёрлстонским имением, а так как я вместе с тем депутат от своего округа, то дела у меня много.

Вы же, Холмс, как я слышал, стали применять на практике те способности, которым мы так удивлялись в былое время.

– Да, – ответил я, – я пустил мои способности в дело.

– Очень приятно слышать это, так как ваш совет драгоценен для меня в настоящее время.

У нас в Хёрлстоне случились очень странные вещи, а полиции не удалось ничего выяснить. Дело, действительно, самое необыкновенное и необъяснимое.

Можете себе представить, с каким интересом я слушал его, Ватсон. Наконец-то перед мной был тот случай, которого я тщетно ожидал в продолжение долгих месяцев бездействия. В глубине души я был уверен, что могу иметь успех там, где других постигла неудача. Теперь мне представляется случай испытать себя.

– Сообщите мне, пожалуйста, все подробности! – вскрикнул я.

Реджинальд Масгрейв сел против меня и закурил папиросу, которую я предложил ему.

– Надо вам сказать, – начал он, – что хотя я и холост, но мне приходится держать в Хёрлстоне значительное количество прислуги, так как это – старинное поместье, требующее большого присмотра. Кроме того, во время охоты на фазанов у меня обыкновенно гостят знакомые, так что нельзя обойтись малым числом прислуги. Всего у меня восемь служанок, повар, дворецкий, два лакея и мальчик. Для сада и для конюшен, понятно, есть отдельные слуги.

Изо всей этой прислуги дольше всех у нас в доме жил Брэнтон, дворецкий. В молодости он был учителем, но остался без места, и отец взял его к себе. Это человек очень энергичный, сильного характера и скоро сделался незаменимым в нашем доме. Он был высок, красив собой, с великолепным лбом, и, хотя служил у нас двадцать лет, теперь ему не более сорока лет. Удивительно, что при подобной наружности и выдающихся способностях – он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех инструментах удивительно, говорю я, что он так долго довольствовался занимаемым им положением. Впрочем, я думаю, что ему жилось спокойно, и у него не хватало энергии для какой-либо перемены. Херлстонского дворецкого помнят все, кто гостил у нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.